

Анатолий Трофимчик
(Большие Круговичи)

**Вторая мировая война в воспоминаниях
и восприятии западнобелорусского населения
в начале нового тысячелетия (на примере жителей
деревни Большие Круговичи Ганцевичского
района Брестской области)**

Односельчанам посвящается

*Гэта адзіны шлях кожнай навукі:
піць ваду не толькі з крана (з кніг), не толькі дысталяваную са
шклянкі, але і заўсёды ісці да крыніц, якія б'юць з роднага берага
недзе над тваёй хатай.*

Уладзімір Караткевіч

Вторая мировая война по белорусскому народу «прошла» всем маховиком своих трагедий и несчастий. Неудивительно, что память о том тяжелом времени сохраняется без преувеличения на генетическом уровне. Да и государственная политика или политика практических любых движений сегодняшнего социального спектра независимого белорусского государства не просто определяет свое отношение к событиям периода 1939-1945 гг., но на этом отношении базирует свои принципы и ценности. Например, правительство во главе с президентом поддерживает в основном советские традиции перцепции Второй мировой войны, а именно: согласно им в сентябре 1939 г. состоялось освобождение Западной Беларуси от гнета панской Польши и этим походом Красная Армия также защитила от фашистского нашествия своих кровных братьев — белорусов и украинцев (хотя всем давно известно, что состоялся именно передел Восточной Европы); а в июне 1941 г. произошло вероломное нападение Германии на нашу родину — СССР. Иных взглядов придерживаются оппозиционные силы. В частности Белорусский народный фронт переходы белорусских территорий под власть различных государств считает не чем иным, как оккупацией, а прославляемую сегодняшним белорусским официозом советскую партизанку — не чем иным, как очередным brutальным ходом Москвы в использовании белорусского народа в ее империалистических планах, на алтарь которых бросались судьбы миллионов белорусов.

Сразу следует отметить, что несмотря на сходство перипетий во время Второй мировой в развитии стран прибалтийского региона и Западной Бе-

ларуси (имеется в виду сначала советская оккупация, потом — немецкая и — опять советская), советская пропаганда и «коммунистическое воспитание» возимели больший эффект прежде всего на белорусов-«западников». Несомненно, здесь сказались наличие государственности у прибалтов накануне войны, а также разделенность Беларуси, ее объединение и ассимиляция по образцу восточной части Беларуси. Следует отметить, что белорусы-«западники» Белостокского воеводства, то есть, земли, аннексированной Советским Союзом в 1939 г., а после войны переданной Польше, сегодня имеют как существенные отличия, так и сходства с основной массой населения Беларуси в представлениях, интерпретациях, оценках военных событий. В ходе работы некоторые параллели будут проводиться.

Воспоминания о Второй мировой войне у опрошенных жителей западнобелорусского региона современной Беларуси в полной мере можно дифференцировать на две части. Первый период войны мирное население (в том числе и непосредственные свидетели тех событий) не склонно называть войной. Практически мирная смена власти, осознание своей единности и цельности с белорусами Советской Беларуси, ожидание прихода с востока освобождения¹ — эти и другие факторы повлияли на восприятие установления Советской власти как должного исторического хода, который рано или поздно должен был произойти. Исключениями из данного правила являются белорусы, принявшие участие в военных действиях на западном (для II Речи Посполитой) фронте против германских захватчиков, так как они были мобилизованы в войско польское и для них 1939 г. — отнюдь не мирное время². Однако, этот факт, как и информация об оккупации Красной Армией восточных провинций Польши, откуда и были родом те белорусы при побеге из немецкого плена не повлиял на решение продвигаться домой³.

¹ То, что данное ожидание в большой степени было катализировано большевистской пропагандой, — это уже вопрос из другой плоскости.

² Дело в том, что призванные в польскую армию с «крэсов восточных» (восточных провинций II Речи Посполитой) обычно посылались на службу в противоположную от своего края сторону, чтобы не было искушения в случае конфликта перейти на сторону врага (суждение Владимира Ильича Рапейко, жителя д. Большие Круговичи, 1912 г. р., который в первые дни войны был мобилизован в войско польское и попал в плен к немцам).

³ Сообщение В. Рапейко (здесь и далее устные сообщения опрошенных выделены курсивом, но подаются от третьего лица и без кавычек — А. Т.): *Когда пробрались домой, не раз смертельная угроза нависала над их головами. Но благодаря содействию поляков, которые хоть и видели в молодых солдатах белорусов по национальности, не жасали им ни одежды, ни еды. Однажды даже во время немецкой облавы в одной польской деревне (неподалеку убили офицера вермахта) жители припрятали В. Рапейко, чем и спасли ему жизнь. Несколько же человек тогда из той деревни расстреляли. Через германо-советскую демаркационную линию, которая шла по реке, перебрались со второй попытки.*

Примечательно, что в понимании населения Белосточчины нет подобной дифференциации военных событий 1939-1945 гг. Для них этот период является одной сплошной войной. Показательно, что население Белосточчины (и поляки, и белорусы) события сентября 1939 г., когда Советский Союз поделил с фашистской Германией II Речь Посполитую, воспринимают не иначе как агрессию, а не какое-нибудь там освобождение, а период 1939-1941 гг. — как военное время. Очевидно, здесь такое восприятие сформировалось под воздействием, если можно так сказать, общепольской перцепции Второй мировой войны. У нас же (в Беларуси), несмотря на то, что сегодняшние Гродненская и Брестская области имели в то время общую с Белосточчиной судьбу, приход большевистской власти, которая никогда не появлялась с миром на эти земли, считается справедливым актом истории (здесь наблюдается результат советской историко-политической ассимиляции).

Оценка периода советской оккупации сложна и неоднозначна. И сегодня нельзя найти единого мнения о том периоде — как среди непосредственных очевидцев событий, так и последующих поколений. С одной стороны, говорится об уповании западнобелорусского крестьянина на советскую власть. С другой — о его разочаровании в аграрной политике этой власти. С одной стороны, люди ведут речь о поднятии культурного уровня глубинки (стали доступны газеты, кино, радио). С другой — они были поражены хамству, необразованности и нереспектабельности многочисленных приезжих как гражданских, так и военных. С одной стороны, указывается на возможность трудоустройства и учебы при советской власти, чего не было до 1939 г. С другой — вспоминается насильственность «права» на труд и учебу, когда в принудительном порядке жители Западной Беларуси мобилизовались (слово, кстати, из официального лексикона Советов, придающее процессам в гражданской сфере оттенок военного порядка) на строительство аэродромов и дорог, на обучение в школах трудовых резервов⁴ и, заме-

Солдаты Красной Армии двух белорусов встретили благосклонно. Их не отправили в лагерь военнопленных, где удерживались те польские солдаты и офицеры, которые воевали на советском участке фронта. После небольшой проверки и расспросов отпустили добираться домой. Однако судьба напарника В. Рапейко — сына лесничего подпоручика Ермолинского оказалась более драматичной: за членство в бывшей польской организации «Strzelcy» тот вместе с отцом вскоре попал в число репрессированных большевистской властью.

⁴ Сообщили: Дмитрий Максимович Войцешук, д. Гобяты, гмина Грудэк, Белостокское воеводство, Республика Польша, 1923 г. р.; Ян Крук, д. Тофиловцы, гмина Дубичи-Церковные, Подляшское воеводство, Республика Польша, 1924 г. р.; Иван Николаевич Гайшкокевич, д. Большие Круговичи (1919-2002); Николай Иосифович Гурман, д. Малые Круговичи, Ганцевичский район, Брестская область, 1919 г. р.

чу, даже в вузы⁵.

Как вспоминает Александр Николаевич Чеботаренко⁶, детство которого пришлось на то время, к ним зашли худые, в затертых гимнастерках и почти босые красноармейцы с командиром, чтобы, по их словам, «перекусить». Под добрую белорусскую самогонку, лакомясь салом шире ладони, головокруглительно пахнущим кумпяком (сушенное в специях мясо свинины со спины), «пальцем пханой» колбаской, что для них было дивом-дивным, командир с набитым ртом только приговаривал: «Мы вас освободим из-под панского гнета!»

В то время деревни заполнили разные агитаторы, которые рассказывали (часто довольно примитивно, как говорится, считая людей за дураков) о преимуществах социалистического строя, о чудесах советских достижений, проводили антирелигиозную кампанию⁷. К примеру, в дни религиозных праздников к церкви (в деревне Большие Круговичи) подъезжала машина из МТС. Агитатор предлагал тем, кто скажет, что не верит в Бога, покатасть за это. Люди за редким исключением избегали таких «аттракционов». Однако, нужно отметить, многочисленные агитационные лекции посещали с интересом. Да и как было не интересоваться теми людьми, которые, опевая райскую жизнь в восточной части республики, сами оттуда приехав, выглядели чуть ли не оборванцами!⁸

Интересно, что при массовых советских репрессиях (по разным оценкам, из Западной Беларуси было вывезено от 125 до 400 тысяч жителей) они вспоминаются белорусами не в качестве того, что непосредственным образом их касается. Это вполне объясняется тем, что репрессии хоть и носили социальный характер (выселялись те, на кого практически опиралась предыдущая власть — осадники, лесная охрана, члены политических организаций, государственные служащие и т. д.), в результате приобрели во многом антипольское направление, ведь в разряд выселяемых попадали в большинстве своем поляки (действительно по национальности, а также ополяченные белорусы). Все же воспоминания фиксируют отнюдь не единичные случаи депортаций также и среди белорусского крестьянства⁹.

Вскоре пришло разочарование в Советах. «Хто ж ведаў, якія яны», — грустно вздыхает Н. Гурман¹⁰. За короткое время отношение «запад-

⁵ А. Трофимчик, *Создание высших учебных заведений в западных областях БССР в 1939-1941 гг.*, [в:] *Український історичний збірник*, 2003, выпуск 5, с. 240-254.

⁶ Житель д. Большие Круговичи, род. в 1920-х гг.

⁷ Несмотря на близкое расстояние от недавней польско-советской границы, убедиться в правоте агитаторов было невозможно из-за строгой ее охраны.

⁸ Владимир Иванович Муха, д. Большие Круговичи, 1933 г. р.

⁹ Основано на сообщении Ивана Николаевича Гайцкокевича (1919-2002), д. Большие Круговичи.

¹⁰ Николай Иосифович Гурман, д. Малые Круговичи, 1919 г. р.

ников» к новой власти кардинально изменилось, «братские» чувства охладели. Большевикам даже было придумано созвучное прозвище: за глаза их стали называть «башлыками»¹¹. Поэтому период жизни до 1939 г., как заметил белорусский исследователь Владимир Падгол, белорусы-«западники», советизированные после Второй мировой, описывали идеологемой «жили под поляками», а новый этап истории (советский) определенной частью населения характеризовала «жизнью под Советами», однако советская пропаганда формировала в менталитете белорусов стереотип о Красной Армии как освободительнице¹².

Делая вывод по первому периоду Второй мировой войны, необходимо сказать, что советская власть, которую в 1939 г. встречали западно-белорусские массы дружелюбно и с надеждой на лучшее, не оправдала ожиданий и не стала родной для «западников», как и не стал для них родиной Советский Союз. Ярким свидетельством тому являются частные воспоминания о позитивной реакции по поводу послевоенного перечерчивания границ, которое оставило белорусов Белосточчины на стороне польского государства¹³, что подтверждают данные о послевоенной добровольной миграции белорусов в БССР, а поляков, соответственно, в Польшу: цифры говорят о предпочтении последней страны¹⁴. Да и сами непосредственные рядовые очевидцы-«освободители» (рядовые участники событий, а не проводники идейной линии¹⁵) сегодня вспоминают: «Ну, як сказать, ослободжать ослободжали. Но эти люди нас не очинь хотили, шоб ми йих ослободжали. Але ж недовольные були, потому што нашы зразу поставили жорстку дисциплину йим... Ночали нокладовать но йих великие нологи, начали йим... репресировать, так они уже до... неудовольствие були... Док ени наших неновидили, богато вбывали»¹⁶. Однако идеологическое засилье после войны за достаточно короткий период внушило стереотипы, нужные ленин-

¹¹ Иван Николаевич Гайцюкевич (1919-2002), д. Большие Круговичи.

¹² У. Падгол, *Стэрэатыпы палякаў у свядомасці беларусаў*, «Спадчына», 1997, № 2, с. 62-63.

¹³ Дмитрий Максимович Войцешук, д. Гобяты, гмина Грудэк, Белостокское воеводство, Республика Польша, 1923 г. р.

¹⁴ См., например: А. Ф. Вялікі, *На раздарожжы. Беларусы і палякі ў час перасялення (1944-1946)*: навук. рэд. В. Дз. Селяменеў, Мінск 2005.; Е. Mironowicz, *Przesiedlenia ludności z Białorusi do Polski i z Polski do Białorusi w latach 1944-1946*, „Białoruskie Zeszyty Historyczne”, 2003, t. 19, s. 183-195.

¹⁵ А «большасць асабовага саставу Беларускага фронту складалі ўраджэнцы Усходняй Беларусі — па нацыянальнасці беларусы»: У. Ладыеў, *Аб'яднанне беларускай нацыі (да 65-годдзя ўз'яднання Заходняй Беларусі з БССР)*, „Беларускі гістарычны часопіс”, 2004, № 9, с. 6.

¹⁶ Василий Каленикович Горбаченко (1912-1998), д. Машевэ (Чернобыльского району): *Говірка села Машеве Чернобыльского району*, ч. 1: *Тексты*, Київ 2003, с. 21, 51.

ской-сталинской доктрине, которые, правда, рассыпаются при аналитическом подходе, то есть, при рассмотрении не целого, а частного: например, бытовых моментов, впечатлений от конкретного явления или события.

Во многом последняя фраза касается и второго периода Второй мировой войны, который и сегодня в формирующейся белорусской государственной идеологии преподносится в рамках советского ура-патриотизма, который подавляющим большинством белорусского населения засвоен именно через розовые очки большевистского империалистического доктринерства. Анализ воспоминаний представляет нам довольно пеструю картину.

Времена германской оккупации стали для белорусского народа очень трагическими. Мирное население оказалось беззащитным не только со стороны оккупационной власти, но и со стороны партизан — в темное время суток. Днем немцы покоя не давали — любители яиц и курятины. А как стемнеет, нередко беспокоили «хозяева леса»¹⁷. Доходило до того, что на ночь люди гнали скотину под защиту служащих вермахта — в гарнизонный бункер, фундамент которого сохранился в деревне Большие Круговичи до сегодняшних дней. Возвращенный большевиками миф о советской партизанке как о борьбе народа и ради народа не соответствует действительности, лучшим, но трагическим подтверждением чему являются ничем не обоснованные жертвы среди жителей наших деревень: порой руководясь чувствами собственной мести, «народные борцы» под прикрытием ночи заходили к селянину и brutally расправлялись с ним. Так, в 1941 г. погиб Гордей Николай Пилипович (1905 г. р.), которого застрелил партизан-односельчанин Кунар на почве давнишней ссоры из-за земельного надела; в 1944 г. был заведен в свой сарай и убит как немецкий прислужник Муха Иосиф Алексеевич (1909 г. р.) из Малых Кругович, хотя на самом деле и не сотрудничал с оккупантами, однако в разряд предателей попадали даже за какое-либо угощение для немцев (а без этого возникала угроза жизни со стороны солдат вермахта). Мой дед также чуть не поплатился жизнью за то, что, когда гнал самогон, хорошо-таки подпоил немца. С темной той появились партизаны и уже едва не расправились с семьей обычного крестьянина, но у главного из них хватило ума не дать состояться трагедии¹⁸. По мнению В. Рапейко, партизаны не столько боролись с вра-

¹⁷ Вообще в западнобелорусском регионе существовала не только советское партизанское движение, кроме него в лесах действовали отряды украинских патриотов (на Полесье) и «аковцы» — польская партизанка (от аббревиатуры АК — Армия Краёва). Население околлиц Больших Кругович вспоминает лишь советских партизан.

¹⁸ По воспоминаниям: Трофимчиков Адама Павловича (1910-1993), Виктора Ада-

гом, сколько занимались мародерством, чтобы обеспечить себя и своих родных¹⁹. Однажды зашли они и в хату В. Рапейко. Правда, на его счастье среди партизан оказался хорошо знакомый житель соседней деревни Будча. Эту семью круговца не тронули.

К сожалению, таких фактов книга «Памяць»²⁰ по Ганцевичскому району не подает, хотя они не были исключением в контексте событий того времени и своей судьбой те люди не отличались от односельчан, погибших от рук нацистов и их прислужников. Интересно, что в этой книге упомянутые жертвы «партизанской борьбы» попали почему-то в число жертв фашистского террора. Власть с целью мести за «провинности» прошлого любили использовать и те, кто подался в полицию. Так от рук бывшего ухажера Радюка Николая (уличное прозвище Дзярбун) погибла Гурман Надежда Ивановна, которая когда-то отказала ему, выйдя замуж за другого²¹. По словам составителя и одного из авторов «Памяти» К. К. Мохора, события в хронике отражены однобоко. В наличии имелось много разнообразной информации, в том числе и воспоминаний, однако не все из материалов вписывалось в установленные сверху рамки. Поэтому в книге остались воспоминания лишь, если можно так сказать, просоветского плана. Сегодня же люди все чаще говорят о том, чего в советское время припоминать было или не принято, или вообще опасно.

Конечно, жизнь и во время войны не остановилась. В деревнях крупнее открывались даже так называемые народные школы — на четыре класса. Были они национального направления (насколько позволяла оккупационная власть). Интересная черта к ней: ученик, переступая порог класса должен был поздороваться по-нацистски вскидывая руку словами: «Жыве Беларусь!» Вообще же содержание школьной программы сменилось с похвальбы Кремля и Сталина на почитание Германии и Гитлера. Школа, однако, перестала функционировать в 1943 г.,

мовича (1937 г. р.), Янины Константиновны (1939 г. р.), все — жители д. Большие Круговичи.

¹⁹ Относительно массовости таких партизанских экспроприаций сегодня уже создана богатая историография. Причем доказано, что подобная политика «партизанской борьбы» имела целенаправленный характер, особенно в Западной Беларуси, которая расценивалась как гнездо национализма и классовых врагов (см., например: *Польское подполье на территории западных областей Беларуси (1939-1954)*: ред. С. А. Ситкевич, С. А. Сильванович, В. В. Барабаш, Н. А. Рыбак, Гродно 2004, с. 254-257).

²⁰ В Беларуси по каждому району создаются так называемые историко-документальные хроники под названием «Памяць», где особенно большое внимание уделяется периоду 1941-1945 гг. Исходные данные издания по Ганцевичскому району Брестской области: *Памяць: Гістарычна-дакументальная хроніка Ганцавіцкага раёна*, Мінск 1999.

²¹ Сообщение Виктора Адамовича Трофимчика 1937 г. р.

ибо начался стремительный отток учеников из нее — в связи с переменами на фронте и активизацией действий советских партизан, которые на Беларуси жестоко расправились не с одним учителем народных школ, расценив их мирный труд как коллаборационизм, оппортунизм²². Дело в том, что национально-культурное развитие при германской оккупации на Беларуси имело как ни странно более либеральные условия, чем при Советах, которые даже во время войны через партизанское движение старались уничтожить проявления национальных интенций белорусского народа.

7 июля 1944 г. немецкий гарнизон в Больших Круговичах был с относительной легкостью разбит наступающими частями Красной Армии. В деревнях снова обосновалась советская власть. Однако «второе пришествие» большевиков люди восприняли, как из огня да в полымя. Сразу был взят курс на обновление действующих до войны и создание новых колхозов. Но они были созданы разве что формально, потому что так и не смогли осенью 1944 г. провести посевной озимых. Удалось лишь реально реанимировать работу МТС, которая была перевезена из райцентра Ганцевичи, куда ее перевели немцы, в Большие Круговичи. Советская власть решила дать прийти в себя людям от военного лихолетия и не загонять их в полуголодное колхозное существование.

Лето 1944 г. для «западников» означало не только очередной приход Советов, но и мобилизацию в советскую армию. В основном из Ганцевичского района воевали в Польше, Пруссии и Германии. Одно из главных впечатлений фронтовиков заключается в том, что советское командование не жалело живую силу, то есть, людей. *Многие жители нашей местности участвовали в переправе через Одер, где отступавшая германская армия хорошо укрепилась. Сколько там полегло советских солдат, одному Всевышнему известно. На участке В. Рапейко переплывали на связанных из нескольких бревен плотах по несколько человек. Огонь с противоположного берега велся шквальный. Владимиру Ильичу в какой-то мере повезло: его ранило в ногу, после чего его демобилизовали*²³.

В. Рапейко поведал также интересную историю, связанную с перепиской в военное время, что отражает советскую действительность. *Сам он владел, кроме родной речи, и польским языком, а писать умел только латинским алфавитом. На фронте пришлось в экстренном порядке усваивать кириллическое письмо. Рядовой крестьянин долго не получал писем от родных. Выявилось, что и родные не получают весто-*

²² Владимир Иванович Муха, д. Большие Круговичи, 1933 г. р., бывший ученик такой школы, позднее многолетний директор Круговичской СШ.

²³ Сообщение В. И. Рапейко.

чек от фронтовика, потому что, как рассказал по большому секрету знакомый политрук, вся корреспонденция проверяется органами НКВД, а поскольку переводчика с польского²⁴ не имелось, то переписка солдата просто уничтожалась.

Впечатления из военных событий их участники вынесли самые разные. Интересно, что героика в том контексте занимает далеко не основное и не первичное место. В качестве примера — случай из жизни. В советское время существовала традиция приглашать на патриотические беседы со школьниками ветеранов войны. После «обязательной» программы (где и как воевал, какие награды есть) следовали вопросы учеников. Один из них спросил ветерана, что наиболее запомнилось ему на фронте. После этого, сделав прелюдию о том, с какими трудностями брали они небольшой заграничный городок, бывший фронтовик стал с видимым удовольствием, в подробностях, смакуя рассказывать о находке в том городке большого винного погреба (что уже само по себе свидетельствует о мародерстве советских воинов), о повальной пьянке, после которой их часть на какое-то время прекратила наступление. Учителя, не ожидая такого поворота событий, были в шоке²⁵.

С нашей точки зрения огромный интерес представляют также воспоминания из финского плена. Кстати сказать, не все бывшие пленные даже уже в постсоветский период готовы охотно вспоминать страницы своей невольной жизни. Одной из причин является все тот же страх перед силовыми органами, которые если не арестовывали сразу после освобождения узников, то как минимум проводили с ними серьезный идеологический инструктаж с целью, чтобы человек молчал и боялся не то что сказать что-либо плохое в своих воспоминаниях о плене по отношению к советской власти, а говорить о том периоде жизни вообще. Далее приводимый фрагмент создан на основе воспоминаний сельчанина-«западника»²⁶, в плену также работавшему в сельском хозяйстве, поэтому здесь присутствуют и некоторые оценки и сравнения.

Незадолго до войны с Германией Н. Гурман был мобилизован на срочную службу в Красную Армию. Служба проходила недалеко от границы с Финляндией, которая после агрессии Советского Союза в 1939 г., «имела зуб» на своего соседа. При наступлении гитлеровцев на СССР в боевых действиях принимали активное участие и финские войска. В одном из боев двадцатидвухлетнего парня от смерти спасло чудо:

²⁴ Это мог быть (скорее всего) и белорусский, написанный латинской графикой — А. Т.

²⁵ Александр Семенович Занько, бывший учитель Круговичской СШ, теперь пенсионер.

²⁶ Николай Иосифович Гурман, д. Малые Круговичи, 1919 г. р.

снаряд попал в блиндаж, где находилось в тот момент отделение Николая, но, на счастье, не взорвался. Именно финские солдаты, хорошо вооруженные, и окружили часть, где воевал Николай Гурман. Сопротивления советские солдаты с винтовками времен первой мировой войны оказать не смогли и попали в плен. Первое время их держали в лагере для военнопленных. Потом распределили по фермерским хозяйствам. Тот жизненный период Николай Иосифович вспоминает добрым словом. Работал там он не более восьми часов в день: до полдня четыре часа, после чего обед и отдых на несколько часов, и до смеркания еще четыре часа. Да и труд сам по себе был легче, чем дома, так как значительная его часть осуществлялась механизированным образом. Николай Иосифович отмечает, что уже в то время финские деревни были электрифицированы (у нас же электричество появилось в хатах лишь в начале 1960-х). На вопрос, почему же финны, работая не более восьми часов в сутки, и жили, и живут лучше нас белорусов, которые работают «ад цямна да цямна», Николай Иосифович отвечает, что там был и есть выше уровень культуры. Питался пленный за одним столом с хозяевами и ел все то, что и они. На просьбу сравнить, где вкуснее питались, прозвучал ответ не в пользу белорусского рациона, который еще и сегодня не достиг того финского уровня. По праздникам финны угощали и водкой или пивом. Молодой парень на чужбине жил вольно, но скромно, ибо как военнопленному ему не выделялось ни копейки даже на минимальные карманные расходы (за него хозяева платили государству). Впрочем самым необходимым он был обеспечен никак не хуже, чем дома. Николай Иосифович вспоминает, что за три года плена и работы у фермера познал и любовь к финской девушке — дочери хозяйки. Мать на удивление благосклонно относилась к той ситуации, однако внимательно следила за моральным обликом дочери, которой было тогда около 17-20 лет. Девушка очень хотела, чтобы понравившийся ей белорус остался на ее родине. И он бы остался (домой, как признается, после того, как попробовал «буржуйской» жизни, тянуло не очень), но, зная длинные руки большевиков, побоялся, что и там достанут и засудят. Поэтому в 1944 г., когда осуществлялся обмен пленными, Н. Гурман вернулся в родную деревню.

Нельзя сказать, что большинство побывавших в плену и на принудительных работах вынесли из неволи такие светлые воспоминания. Скорее наоборот. Однако рассказ Н. К. Гурмана еще раз доказывает, что не все было так однозначно, как нам преподносят некоторые историки и политики.

Воспоминания не дают оснований говорить о том, что во время военных событий западнобелорусское население видело в советском солдате (регулярной армии или партизанах) освободителя. Более того, пар-

тизаны в глазах мирного населения имели скорее отрицательный, чем положительный имидж²⁷, а Красная Армия стала восприниматься «своей» только с 1944 г., когда и началась массовая мобилизация в нее «западников» и мирному населению оставалось лишь переживать за своих отцов, мужей и сыновей. В начале войны на вопрос немцев, какой власти хотели бы белорусские селяне, один дед искренне ответил, что такой, которая дала бы «спокойствие нашему селу» (из сообщения Пантелеймона Пономаренко Сталину)²⁸. Нотабена на отсутствие какой-либо государственной ориентации у крестьянина при патриотичности относительно своей малой родины.

Большевики довольно быстро (можно даже сказать, завидно быстро) привили «западникам» «правильные» рассуждения о Второй мировой войне. В частности, что касается инкорпорации в так называемый социалистический лагерь стран Восточной Европы, то со слов участника подавления венгерского восстания 1956 г. исходит, что простые солдаты понимали свою миссию как освободительную. Однако от кого они пришли освобождать венгерский народ, который хотел избавиться от советского гнета, до сути событий они дойти не могли, а определения введенного их военного контингента как оккупантского не принимали. Существовало предубеждение, что занятая советской армией во время войны с Германией территория является «нашей», а всякий бунт на ней — антизаконным²⁹. Среди представителей послевоенных советских поколений по сей день существует стереотип хорошего Сталина и плохого Гитлера (вплоть до смешного: мужская стрижка с зачесом на левую сторону — проводится параллель с фюрером — считается признаком дурного тона).

Возвращаясь к словам о том, что память о войне (вообще и последней в частности) сохраняется на генетическом уровне белорусского народа, следует в завершение сказать следующее. Не просто идиомным выражением, а объективным критерием жизни у современных белору-

²⁷ Сегодня даже есть попытки обосновать, что мирное западнобелорусское население больше выбирало сотрудничество с немецкими оккупационными властями, чем с советскими партизанами (подробнее см.: І. Лялькоў, *Да пытання аб пранямецкіх і антысавецкіх настроях у БССР перад II сусветнай вайной*, «Беларускі Гістарычны Агляд», т. 9, сш. 1-2 (16-17), Менск 2002, с. 92-104), хотя ни те, ни другие практически в равной степени не давали гарантий спокойного существования. Поэтому мнение о всенародной антифашистской и просоветской борьбе белорусов во время германской оккупации является не больше, чем результатом идеологического лоббирования из Кремля такого мнения.

²⁸ По: А. С. Чайковський, *Невідомі війна: партизанський рух в Україні 1941-1944 рр. Мовою документів, очима історика*, Київ 1994, с. 58.

²⁹ Николай Александрович Гурман, д. Большие Круговичи, 1933 г. р., участник событий 1956 г. в Венгрии.

сов является фраза-пожелание — «абы вайны не было». Все остальные несчастья в понимании народа блекнут на фоне этого. В нем — и смиренный характер белорусской нации, и ее история, и — не хотелось бы — ее будущее. Ведь пока будет существовать эта планка жизненной квазинормальности, социальная интенциональность населения и отдельного индивидуума не сможет подняться выше уровня «абы-вайны-не-было». Пока же в онтологические рамки общественного сознания белорусов не вписываются иные критерии и даже не предполагается их существование вообще.

PS. В данной работе акцент сделан, так сказать, на обратной стороне медали, которая широко открылась только в самое последнее время и о которой только в последнее время стали все чаще не просто вспоминать старожилы, но и обращать на нее внимание, как бы стараясь успеть досказать недосказанное. Хотя, что интересно, общая оценка событий 1939-1945 гг., их выводы в целом остаются из советских времен, что сегодня поддерживается в Беларуси на государственном уровне. Можно предположить, что благодаря такой ситуации в случае, если бы во Второй мировой войне победители и побежденные поменялись местами, то государственная идеология Республики Беларусь (после отделения ее от Германской Империи) с таким же успехом могла бы строиться на аксиологии III Рейха, потому что менталитет основной массы белорусского конгломерата оставался бы на уровне предыдущих категорий (в чем сомневаться не приходится, ибо неоднократно уже раздавались мнения о том, что, мол, если бы «немец нас завоевал, то лучше бы жили сегодня», или просто дают положительную оценку немцам как порядочным руководителям³⁰; сам президент выражал восхищение германскими порядками времен Гитлера). И тогда, вероятно, государственным праздником современной Беларуси был бы не день освобождения ее столицы от немецких захватчиков, а день освобождения ее от большевизма — на четыре года раньше³¹.

³⁰ *Немца сюда надо. Он наведет порядок. Поля чертополохом заросшими не будут. Воры изведутся. Не будут воровать. Украдешь — расстреляют без суда и следствия. Второй вор задумается. Вот, браток, жил я при немцах, видел и ихние порядки. Порядок был... Убивали людей и немцы. Но не всех — в первую очередь коммунистов и преступников.* (Сообщение Николая Михайловича Берната (1909-2000), ротного старшины во время войны, позже первого председателя колхоза в Малых Круговичах: М. Зубік, *Жыў чалавек на зямлі*, „Ганцавіцкі час”, 2004, 23 июля, с. 3.)

³¹ Как сообщает в своем документальном автобиографическом романе Кастусь Акула, «22 июня 1944 г. Минск праздновал так называемый День освобождения. Так гитлеровские оккупанты называли день вооруженного нападения на московско-большевистскую тюрьму народов»: К. Акула, *Змагарныя дарогі*: Раман, прадм. У. Арлова, Мінск 1994, с. 43. В современной Беларуси пришли фактически к тому же, выбрав, однако, победивших «освободителей».

Streszczenie

Artykuł jest prezentacją wizji wydarzeń II wojny światowej, widzianych przez społeczeństwo Zachodniej Białorusi. Został on napisany na podstawie ustnych relacji mieszkańców jednej z wiosek tego obszaru. Według tych, którzy po wojnie pozostali na Białorusi Radzieckiej, w odróżnieniu od ludności Białostoczczyzny, która znalazła się w granicach Polski, okres tzw. „pierwszych Sowietów” nie był czasem wojny. Wobec bolszewików, których rzeczywistość oczekiwano w przededniu września 1939 r., szybko nastąpiło wielkie rozczarowanie. Stosunek do nowej władzy był niejednoznaczny i pełen sprzeczności. Podczas okupacji niemieckiej nie uzewnętrzniano sympatii ani do władzy, ani do partyzantów. Wielu jednak wiązało się z jedną lub drugą stroną i wykorzystywało możliwość służby do realizacji celów osobistych, na przykład zemsty. Armię Czerwoną zaczęto traktować jako swoją dopiero w 1944 roku, wraz z przyjściem „drugich Sowietów”. W szybkim czasie propaganda osiągnęła swój cel: wydarzenia II wojny światowej mieszkańcy zachodniej Białorusi zaczęli widzieć przez szkła kremlowskich okulistów. Wielu taki obraz zachowało do dziś. W relacjach, których fragmenty są przytaczane w publikacji, odzwierciedlona jest niejednoznaczność postrzegania tego tragicznego okresu. We wspomnieniach częściej zwraca się obecnie uwagę na drugą stronę ówczesnego konfliktu, na przejawy postaw antysowieckich.